

Джеймс Хэдли

ЧЕЙЗ

НЕ МОЕ
ДЕЛО

Фокусник тасует колоду раз, другой, и вот из рукава
появляется туз... Мне кажется, мы видим только то,
что нам хотят показать.

Дж. Х. Чейз

Джеймс Чейз

Не мое дело

«Азбука-Аттикус»

1947

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Не мое дело / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус», 1947

ISBN 978-5-389-18597-5

Мастер захватывающего сюжета, знаток человеческих душ, своего рода Бальзак детективного жанра, Джеймс Хэдли Чейз за полвека писательской деятельности создал порядка 90 романов, которые пользовались успехом у читателей во всем мире, и многие из них были экранизированы. На страницах романа «Не мое дело» читатель встретится с обаятельным, ироничным и проницательным Стивом Хармасом, корреспондентом газеты «Нью-Йорк кларион», а впоследствии страховым следователем, который выведет на чистую воду даже самых изобретательных мошенников.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18597-5

© Чейз Д. Х., 1947
© Азбука-Аттикус, 1947

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	17
Глава четвертая	23
Глава пятая	28
Глава шестая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Джеймс Хедли Чейз

Не мое дело

James Hadley Chase
NO BUSINESS OF MINE

Copyright © Hervey Raymond, 1947

All rights reserved

А. С. Полошак, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Глава первая

Я – Стив Хармас, иностранный корреспондент газеты «Нью-Йорк кларион». С 1940 по 1945 год мы с коллегами жили в гостинице «Савой» – рассказывали американцам, как воюет Британия. Но когда союзные войска оккупировали Европу, мне пришлось расстаться с уютным отелем и его коктейль-баром. Сподвигнуть меня на такой шаг было не легче, чем оторвать ракушку от стены, но в конце концов я поддался на уговоры редактора. Он все твердил, что такой опыт положительно скажется на моей карьере. Разумеется, карьера моя где была, там и осталась, но приключений на пятую точку я нажил предостаточно.

Когда Германия сдалась, я решил: довольно с меня тягот и лишений военного времени. Поменявшись местами с одним сослуживцем (без его ведома, конечно), я вернулся в Америку, поближе к его карточкам на двухфунтовые стейки.

Через пару месяцев мне предложили написать серию статей о послевоенной Британии. В то время Англия переживала нехватку виски, и новое задание меня не обрадовало. С другой стороны, когда я последний раз был в Лондоне, там жила девушка по имени Нетта Скотт. Вот с ней мне очень хотелось повидаться.

Только не поймите меня неправильно. Я не был влюблен, но Нетта помогла мне, чужаку, шикарно провести время в чужой стране, и я считал, что нужно отплатить услугой за услугу. Раз представилась возможность, грех ею не воспользоваться.

Дело было так. По пути на работу я просматривал карту скачек, все еще размышляя, соглашаться ли на командировку в Англию. Оказалось, после обеда побежит лошадка по кличке Нетта. Шансов на победу у нее было немного, шла она «десять к одному», но я интуитивно решил на нее поставить. Выложил пять сотен и, весь на нервах, уселся возле радио в ожидании результата.

Каким-то чудом та лошадка пришла первой. Именно тогда я решил разделить с Неттой пять тысяч долларов выигрыша и сел на первый самолет до Англии.

До чего же приятно: ввалюсь без приглашения и выложу на стол пять сотен новеньких, хрустящих купюр по одному фунту. Нетта любит деньги, представляю себе ее реакцию. Она вечно ворчала, что ей не хватает на жизнь; я неоднократно предлагал свою помощь, но она всегда отказывалась. Да, она запомнит этот момент. Ну а я погашу свой долг.

Мы познакомились в 1942 году, в роскошном ночном клубе, расположенном в здании Брутон-мьюз, что в районе Мейфэр. Нетта была платной танцовщицей; и если кто-то скажет, что платные танцовщицы только и делают, что прохлаждаются, – не верьте. Мышцы у них покрепче, чем у Эда Льюиса по прозвищу Душитель, а все потому, что девушкам приходится отбиваться от усталых, но назойливых бизнесменов. По долгу службы Нетта разводила недотеп вроде меня на дрянное шампанское (пять фунтов за бутылку). Удовольствие вывести ее на танцпол размером с носовой платок стоило десять шиллингов.

Местечко называлось «Блю-клуб». Заведовал там сомнительный тип по имени Джек Брэдли. Пару раз я с ним встречался. Его боялись все девушки, кроме Нетты, – та вообще никого не боялась.

Чтобы устроиться к Брэдли танцовщицей, нужно было отработать с ним ночную смену. Я слышал, что Нетта тоже через это прошла, но по-своему. Для начала она разбила о голову Брэдли дорогущую картину, так что рама повисла у него на бычьей шее; а потом они мирно уселись за чтение глянцевого журналов. Может, мне соврали. Нетта об этом не распространялась. Но, зная ее, не удивлюсь, если все так и было.

Думаю, клуб приносил Джеку неплохую прибыль. Бывали там по большей части американские офицеры и американские же репортеры, а у этой публики полны карманы денег. В «Блю-клубе» было на что потратиться: первоклассный оркестр, отличная еда, сговорчивые

красотки. И все по заоблачному ценнику. Прежде чем взглянуть на счет, стоило надеть кислородную маску.

В клубе работало двенадцать девушек. Я выбрал Нетту с первого взгляда.

Она была просто прелесть: волосы рыжие, кожа сливочная, а щеки румяные, что твой персик.

Обычно я сперва смотрю на фигуру. Так случилось и в этот раз. С Нетты можно было писать картину о первородном грехе. На своем веку я повидал немало роскошных девушек, но Нетта превзошла их всех. Как сказал мой приятель Гарри Бикс, бывалый бомбардировщик: «Будь у мыши пара лыж, она бы с ветерком скатилась по этим склонам. Хотел бы я оказаться той мышью!»

Да, просто прелесть. Очень красивая – такой, знаете, грубоватой красотой искушенной женщины. Сразу видно, что знакома с жизнью не понаслышке. Если надеешься выйти с ней на результат, нельзя церемониться. Будь готов биться без перчаток. И даже в этом случае тебя, скорее всего, отправят в нокаут.

Чтобы расплавить броню Нетты, мне пришлось повозиться. Сперва я был для нее очередным клиентом; затем она стала подозревать, что я ищу любовных приключений. Наконец до нее дошло, что мне одиноко в чужом городе и я хочу с ней подружиться.

Я ходил в «Блю-клуб» каждый вечер. Где-то через месяц Нетта сказала: «Обойдемся без шампанского». Я понял, что делаю успехи. Однажды вечером она предложила: не сходить ли нам в Кью-Гарденз полюбоваться колокольчиками? Как насчет следующего воскресенья? Очевидно, дела мои шли в гору.

В итоге мы стали видеться весьма часто. Я забирал Нетту из квартирки на Кромвель-роуд и вез ее в «Блю-клуб».

Время от времени мы ужинали в «Вэнити-фэйр»; иногда она приезжала в «Савой», и мы вместе ходили в гриль-бар. Нетта оказалась отличной подружкой, готовой и посмеяться, и поговорить на серьезные темы – в зависимости от моего настроения. А еще она почти не пьянела, хоть нам и случалось крепко выпить.

Кем она была для меня? Пожалуй, защитным клапаном. Когда работаешь вполсилы, то и дело накатывает смертная скука, а Нетта помогала с ней справиться. Благодаря Нетте я вспоминаю Лондон добрым словом.

Наконец мы стали спать вместе. Пару раз в месяц, не чаще. В этом не было ничего личного; как и другие наши занятия, близость почти ничего не значила. Мы не были влюблены друг в друга. В общении Нетта всегда держала дистанцию, хоть и весьма короткую.

Она ни разу не спрашивала, женат ли я, где живу и чем займусь после войны; ни разу не намекнула, что хотела бы уехать со мной в Штаты. Я же пытался расспросить ее о прошлом, но безуспешно. Нетта считала, что на нас в любое время может упасть бомба или ракета. А пока нужно ловить момент и наслаждаться жизнью. Она была словно обернута целлофановой пленкой. Я видел Нетту и мог дотронуться до обертки, но не более. Как ни странно, меня это устраивало. Мне не нужно было знать, кто ее отец, есть ли у нее братья, сестры или муж-солдат, исполняющий свой долг за границей. Я хотел лишь одного: чтобы у меня была веселая подружка. Нетта отлично справлялась с этой ролью.

Наши отношения длились два года. Затем мне велели отбыть с оккупационными войсками, и пришло время расстаться.

Мы попрощались так, словно встретимся завтра вечером, хотя я знал, что в лучшем случае мы увидимся через год, а в худшем – не увидимся никогда. Нетта тоже это понимала.

– Пока, Стив, – сказала она, когда я высадил ее у подъезда. – Домой не приглашаю. Давай прощаться здесь, и побыстрее. Может, еще свидимся.

– Конечно свидимся, – заверил я.

Мы поцеловались. Ничего особенного, никаких слез. Она поднялась на крыльцо и закрыла за собой дверь, ни разу не оглянувшись.

Я собирался написать ей, но руки так и не дошли. Нас сразу же перебросили во Францию, где события приняли такой крутой оборот, что в первый месяц мне было не до писем. Потом я решил, что лучше мне забыть Нетту. И забыл. А когда вернулся в Америку, вспомнил снова. Я не видел Нетту почти два года, но оказалось, что черты ее лица, изгибы ее тела так впечатались в мою память, словно мы разошлись пару часов назад. В объятиях других девушек я пытался найти покой. Но избавиться от воспоминаний оказалось не так-то просто.

Итак, я приметил ту лошадку, сделал ставку и сорвал куш. Теперь я знал, что снова увижу Нетту, и был этому рад.

Жарким августовским вечером, проделав долгий и утомительный путь из Престуика, я приехал в Лондон. У меня был забронирован номер в гостинице «Савой»; я сразу же отправился туда, перемолвился с администратором (казалось, он рад меня видеть) и поднялся к себе, в комнату с видом на Темзу. Приняв душ и пару стопок виски, я спустился в канцелярию и попросил выдать пятьсот купюр по одному фунту. Просьба, понятно, не из простых, но меня там хорошо знали, и я мог рассчитывать на помощь. Деньги мне отсчитали через несколько минут – так спокойно, словно то была пачка автобусных билетов.

Часы показывали половину седьмого; в такое время Нетта должна быть дома. С семи до восьми она обычно прихорашивается перед работой.

Ожидая такси (людей в очереди было не много, но все как один – важные персоны), я спросил администратора, не закрылся ли «Блю-клуб». Оказалось, не закрылся; но с тех пор, как там поставили пару сомнительных столов для игры в рулетку, репутация у клуба подмокла.

За последние полгода «Блю-клуб» пережил два полицейских рейда, и оба раза его не смогли прикрыть из-за недостатка улик. Похоже, Джек Брэдли был на шаг впереди полицейских.

Наконец я дождался своей очереди. После недолгой перепалки с администратором водитель согласился отвезти меня на Кромвель-роуд.

В десять минут восьмого я подъехал к дому Нетты. Расплатившись с таксистом, встал на краю тротуара и взглянул на последний этаж, на окна ее квартиры.

Домишко был унылый, как и все строения в закоулках Кромвель-роуд. Высоченный подъезд на три квартиры; весь замызганный, а занавески на окнах – отдельная песня. Но в квартире Нетты все еще красовались ярко-оранжевые шторы – их я хорошо помнил. А вдруг я столкнусь с ее новым любовником? Подумав, я все же решил попытать счастья, открыл входную дверь и начал подниматься по лестнице, покрытой ковром из кокосового волокна. Мне предстояло осилить три пролета.

Лестница пробудила во мне массу приятных воспоминаний. Бывало, ночью мы украдкой пробирались наверх, держа обувь в руках, чтобы не потревожить миссис Крокетт, домовладелицу (она, по обыкновению, таилась в засаде на цокольном этаже). Однажды, после участия в налете Королевских воздушных сил на Берлин, я приехал сюда в пять утра: из-за волнения мне было не до сна. Не терпелось рассказать Нетте о своем приключении. И что вы думаете? Ее не оказалось дома. Я решил подождать, присел на ступеньку и в итоге задремал; обнаружив меня, миссис Крокетт пригрозила вызвать полицию.

Проходя мимо дверей, я понял, что до сих пор не знаю, кто за ними живет. За время общения с Неттой я ни разу не видел ее соседей. Дыша тяжелее обычного, я остановился у нужной квартиры, немного помедлил и нажал на кнопку звонка.

Все было в точности как прежде. К двери прикручена все та же крошечная медная рамка, а в ней – карточка с именем Нетты. А вот и длинная царапина на краске; однажды, будучи навеселе, я не попал ключом в замочную скважину. У входа – старый добрый шерстяной ков-

рик. Я обнаружил, что ладони мои стали влажными, а сердце бьется чуть быстрее обычного. Внезапно я понял, как много Нетта значит для меня. А ведь мы так давно не виделись.

Я надавил на звонок, подождал, ничего не услышал и снова надавил на звонок.

Мне никто не открыл. Наверное, Нетта в ванной. Подождав несколько секунд, я опять позвонил.

Из-за спины сказали:

– Там никого нет.

Обернувшись, я посмотрел вниз, в короткий лестничный пролет. В дверях второй квартиры, задрав голову, стоял здоровенный парень лет тридцати, широкоплечий и неплохо сложенный, но совсем не мускулистый: фигура как у метателя молота, но размякшая, уже заплывающая жирком. Парень смотрел на меня с едва заметной улыбкой, словно огромный сонный котяра, равнодушный, самодовольный, самоуверенный. Луч заходящего солнца, пробившись сквозь запачканное окно, отразился от золотой фиксы, и зубы парня вдруг пришли в движение.

– Здравствуй, милый, – произнес он. – Ты, видать, из ее дружков?

Парень едва заметно шепелявил, а его соломенные волосы были коротко подстрижены. На нем был черный с желтым халат, застегнутый на все пуговицы, пижамные брюки цвета электрик и пурпурные шлепанцы. Не человек, а загляденье. Эльф, не иначе.

– Вот ведь нечисть, – буркнул я. – Что ж тебе в лесу не сидится? – И снова повернулся к двери.

Парень хихикнул. Звук был неприятный, шипящий. По непонятной причине я занервничал.

– Нет там никого, милый, – повторил он и шепотом добавил: – Умерла она.

Оставив в покое звонок, я снова повернулся и посмотрел вниз. Парень, приподняв брови, слегка покачал головой.

– Не расслышал? – И он улыбнулся, словно вспомнил шутку, известную только ему.

– Умерла? – переспросил я, отстраняясь от двери.

– Верно, милый, – сказал парень; прислонившись к дверному косяку, он окинул меня игривым взглядом. – Вчера и умерла. Ты принимайся, до сих пор газом воняет. – Дотронувшись до горла, он вздрогнул. – Я сам вчера чуть не задохнулся.

Спустившись, я встал прямо перед ним. Парень был на дюйм выше меня и значительно шире в плечах, но я понимал, что со мной он бодаться не рискнет.

– Слышь, жирный, – сказал я. – Уймись и выкладывай, как все было. Какой еще газ? Что за бред?

– Ты заходи, милый, – пригласил он, глупо улыбаясь. – Я и расскажу.

Я хотел было отказаться, но парень вальяжно удалился в большую комнату. Пришлось идти следом. Воздух в комнате был затхлый, а старинную мебель, похоже, никто не протирал.

Всем своим весом парень рухнул в огромное кресло, подняв в воздух густое облако пыли.

– Ты уж прости меня за этот хлев, – извинился он, с отвращением оглядывая комнату. – Миссис Крокетт – та еще неряха. Никогда не прибирается. Ты же не думаешь, что я сам буду наводить здесь порядок, верно, милый? Жизнь слишком коротка. Человеку моих способностей негоже тратить время на уборку.

– Хватит корчить из себя Оскара Уайльда, – нетерпеливо произнес я. – Ты сказал, что Нетта Скотт умерла.

Снова улыбнувшись мне, парень кивнул:

– Какая жалость. Была ведь восхитительная девушка: красавица, да с такой фигуркой, да такая энергичная. И вот, пошла червям на корм. – Он вздохнул. – Правильно говорят, что перед смертью все равны.

– Как это случилось? – спросил я, борясь с искушением схватить парня за жирное горло и вытряхнуть из него всю душу.

– Наложила на себя руки, – скорбно ответил он. – Жуткое дело. Полицейские носятся по лестнице, то вверх, то вниз... «скорая»... врачи... миссис Крокетт орет как резаная... а та жирная сука с первого этажа все злорадствует... на улице толпа зевак, и все хотят взглянуть на останки... отвратительно, просто отвратительно. И еще этот запах газа во всем доме, целый день. Жуткое дело, милый; такое жуткое, что жутче не бывает.

– То есть она отравилась газом? – похолодев, уточнил я.

– Именно так. Бедняжка. Все щели в комнате проклеены липкой лентой... в несколько слоев. Духовка включена на полную. Теперь буду вспоминать об этом всякий раз, как случится покупать липкую ленту, – монотонно гудел парень, словно выдавая сокровенные тайны.

Меня беспокоила улыбка, не сходящая у него с лица.

– Понятно. – Я развернулся.

Ну вот и все. Внутри у меня стало пусто. Я чувствовал легкую тошноту и бесконечную грусть.

«Что же ты не дождалась меня, Нетта? – думал я. – Всего сутки. Вместе мы бы справились с любой бедой».

– Спасибо, – сказал я, открывая дверь.

– Не стоит благодарности, милый. – Поднявшись с кресла, парень вышел за мной на площадку. – Всегда рад помочь, хоть и повод печальный. Вижу, ты сильно переживаешь. Но ты справишься. Ныряй в работу; ведь работа – лучший лекарь. Как там у Байрона? «Во время дела нет времени для слез»¹. Хотя ты, наверное, равнодушен к Байрону. Такое бывает.

Я смотрел сквозь парня, не вслушиваясь в его слова. Из прошлого доносился голос Нетты: «И этот дурень покончил с собой? Не хватило храбрости взглянуть в будущее? Нет, что бы я ни сделала, готова сполна за это расплатиться. Самоубийство – не для меня».

Тогда мы читали об одном миллионере; тот, психанув на ровном месте, вышиб себе мозги. Я вспомнил, с каким лицом Нетта произнесла эти слова, и почувствовал, словно щеки моей коснулся холодный ветерок.

Что-то здесь не так. Нетта ни за что не лишила бы себя жизни.

Надвинув шляпу на брови, я нащупал в кармане сигареты и протянул пачку собеседнику:

– Почему она это сделала?

– Меня зовут Юлиус Коул, – сказал эльф, выудив сигарету щипком неухоженных пальцев. – Ты ее друг?

Я кивнул:

– Пару лет назад мы общались. – Я дал ему прикурить, после чего закурил сам.

– Значит, повелась на американца, – с улыбкой произнес парень; казалось, он говорит сам с собой. – А американец, значит, повелся на нее; неудивительно – с такой-то фигурой, с таким-то личиком. – Он сонно посмотрел на меня. – Вот бы узнать, сколько английских девушек изнасиловали американские солдаты. Точное число; интересно, правда? Я считаю, такая статистика очень важна. – Он безвольно приподнял широкие плечи. – Хотя это, пожалуй, пустая трата времени, – добавил он, покачивая головой.

– Как все случилось? – напрямик спросил я.

– Хочешь узнать, почему она так поступила? – мягко поправил меня парень и снова приподнял плечи. Шелковый халат затрещал по швам. – Это загадка, милый. Никакой записки... в сумочке пять фунтов... в холодильнике полно еды... никаких любовных писем... никто ничего не знает. – Шевельнув бровями, он улыбнулся. – Возможно, носила ребенка.

У меня не было сил продолжать этот разговор. Беседовать с ним о Нетте – все равно что читать надписи на стене общественной уборной.

– Что ж, спасибо. – Я пошел вниз по лестнице.

¹ «Двое Фоскари», перевод А. Соколовского. – *Примеч. перев.*

– Не за что, милый, – сказал парень. – Какая жалость. Ты, как вижу, совсем приуныл. –
Вернувшись в квартиру, он прикрыл за собой дверь.

Глава вторая

Миссис Крокетт была миниатюрной пожилой дамой с блестящими недоверчивыми глазами и тонкогубым ртом, искривленным в осуждающей гримаске.

Я видел, что она меня не узнаёт. Наверное, решила, что пожаловал охочий до сплетен газетчик. Она вглядывалась в меня из-за приоткрытой двери, готовая захлопнуть ее в любой момент.

– Чего вам надо? – гнусаво осведомилась она. – Проваливайте. Некогда мне отвечать на глупые вопросы, других дел хватает.

– Вы не припоминаете меня, миссис Крокетт? – спросил я. – Стив Хармас, друг мисс Скотт.

– Друг, значит? – произнесла она. – Из любовничков. – Смерив меня строгим взглядом, она кивнула. – Да, я вас вроде как видела. Слыхали, что с нею стряслось?

Я кивнул:

– Слыхал. Я хотел поговорить с вами о Нетте. У нее остались долги? Если да, я их погашу. Во взгляде старухи мелькнула то ли жадность, то ли практический расчет.

– Была должна за месяц, – быстро сообщила она. – Я-то думала, мне денег не видать. Но раз вы отдаете ее долги, я заберу. Да вы заходите.

Я прошел за ней по темному коридору, провонявшему кошками и тушеной капустой, и оказался в грязной, мрачной комнатенке, заставленной мебелью из бамбука.

– Значит, Нетта вам задолжала? – Я внимательно смотрел на старуху.

Чуть помедлив, она ответила:

– Вообще-то, нет. Она всегда платила вперед – что было, то было. Но если квартира освобождается, надобно или уведомить за месяц, или платить. Такое условие.

– Понятно, – сказал я. – Как думаете, почему она сделала то, что сделала?

Посмотрев на меня, миссис Крокетт отвела взгляд.

– А мне почем знать? – сердито спросила она. – Я в ее дела не лезла. Знать ничего не знаю. – Губы ее сжались в тонкую линию. – Пропащая была. Не нужно было пущать ее в жилыцы. Надо ж, в моем-то доме, и такое позорище.

– Когда это случилось?

– Позапрошлой ночью. Мистер Коул унюхал, что газом тянет, и тут же позвонил. Я к ней, а она, дуреха, не открывает. Ну я и поняла, что случилось. – Жесткие глаза сверкнули. – Так я огорчилась, хоть плачь. А мистер Коул вызвал полицию.

– Вы ее видели?

Миссис Крокетт отшатнулась:

– Кто? Я? Чтоб покойница ко мне во снах шастала? Ну уж нет. Мистер Коул ее опознал. Он у нас мужчина деликатный, да. Он же ее знал получше моего; чуть что услышит, так сразу в дверь высовывается.

– Ладно. – Я достал бумажник. – У вас есть ключ от ее квартиры?

– А что, если и так? – с подозрением спросила старуха. – Вам-то что за дело?

– Хочу его одолжить, – ответил я, выкладывая на стол фунтовые купюры. Миссис Крокетт следила за каждым моим движением. – Скажем, двадцать пять фунтов. Плюс десять фунтов за ключ.

– С чего бы? – Старуха быстро задышала, а глаза ее сверкнули ярче прежнего.

– Хочу осмотреть комнату, только и всего. Полагаю, там все как было... Ведь никто ничего не трогал?

– Как было, так и есть; полицейские сказали, чтоб никто не лазил. Хотут найти ее родню. Как по мне, так черта с два; никого не отыщут. Знать не знаю, что станет с вещичками. Хоть как, но надо же все убирать, чтоб квартирка не простаивала.

– У нее есть родственники?

– Никто о ней ничего не знает. – Миссис Крокетт шмыгнула носом. – А если полицейские кого и найдут, то попомните мое слово: родственнички у ней тоже окажутся пропащие.

– Дайте, пожалуйста, ключ, – попросил я, пододвигая стопку денег к старухе. Та, сомневаясь, качнула головой.

– Полиции это не понравится, – заметила она, глядя мимо меня.

– Вот десять фунтов, чтобы унять вашу совесть, – напомнил я. – Не хотите – как хотите. Выдвинув ящик буфета, старуха достала ключ и положила его на стол.

– От вас, богатеев, честным людям одни неприятности, – заметила она.

– Внесу эту фразу в свой список афоризмов, – пообещал я, забрал ключ и подтолкнул деньги еще ближе к миссис Крокетт. Меня уже начинало от нее мутить.

Схватив купюры, старуха сунула их в карман передника.

– Только побыстрее верните ключ, – сказала она. – И ничего не выносите из квартиры.

Я кивнул и вышел.

Поднимаясь по ступеням, я остановился у первой квартиры. К двери была прикручена табличка с надписью «Мэдж Кеннитт». Я вспомнил слова Юлиуса Коула: «А та жирная сука с первого этажа все злорадствует». Кивнув, я пошел дальше и наконец оказался у двери в квартиру Нетты. Вставил ключ в замочную скважину, повернул ручку и тихонько толкнул дверь. Та распахнулась. Я прошел в гостиную. Повернувшись, чтобы закрыть дверь, я увидел, что Юлиус Коул следит за мной, высунувшись из своей берлоги. Брови его были приподняты, а голова неодобрительно покачивалась. Притворившись, что не вижу его, я закрыл дверь и запер ее на засов.

Несмотря на открытые окна, в помещении стоял легкий, но отчетливый запах газа. Я окинул взглядом комнату, мне было грустно и слегка не по себе.

С моего последнего визита обстановка не сильно изменилась. Нетта переставила пару кресел, но новой мебели не было. Стены, как и прежде, были украшены фривольными разворотами из американских и французских журналов.

Однажды я спросил Нетту, зачем она повесила эти картинки. «Парням такое нравится, – объяснила она. – И они отвлекаются от меня. Если человек скучный, картинки его шокируют, и он больше сюда не приходит. Как видишь, у меня все продумано».

На каминной полке стояла коллекция фарфоровых статуэток – штук тридцать разных зверей. Некоторые подарил я. Я подошел посмотреть, на месте ли мои. Они никуда не делись. Я повертел в руках очаровательную фигурку Бэмби из диснеевского мультфильма. Вспомнил, как она нравилась Нетте. Она считала Бэмби жемчужиной своей коллекции. Наверное, не зря.

Вернув безделушку на место, я сунул руки в карманы и прошелся по комнате. Только сейчас до меня начало доходить, что Нетта мертва и я больше не увижу ее.

Не думал, что буду горевать по такому поводу. Оказалось, ошибался. А еще меня волновали обстоятельства ее смерти. Я не мог поверить, что Нетта покончила с собой.

Не такой она человек. До войны я работал криминальным репортером. Повидал сотни квартир, где жили самоубийцы. Там ощущалась особая атмосфера, а в комнате Нетты ее не было. Не знаю почему, но я просто не мог поверить, что здесь произошло самоубийство.

Я подошел к дубовому письменному столу и заглянул в выдвижной ящик. Пузырек чернил и пара карандашей, больше ничего. Я проверил ниши под столешницей. Когда мы с Неттой встречались, они были забиты письмами, счетами, прочими бумагами. Сейчас там ничего не было.

Я посмотрел в камин, ожидая увидеть там кучку пепла от сожженных бумаг. Но в камине было пусто. «Странно», – подумал я, сдвинул шляпу на затылок, снова взглянул на стол и нахмурился. Да, странно.

В коридоре раздался едва слышный звук, и я вздрогнул. Кто-то царапался в дверь.

– Впусти меня, милый, – шептал с той стороны Юлиус Коул. – Я тоже хочу посмотреть.

Поморщившись, я на цыпочках пересек комнату и оказался на кухне. Дверца маленькой духовки была приоткрыта. В дальнем углу лежала диванная подушка апельсинового цвета. Должно быть, Нетта положила ее под голову в духовку, чтобы не было жестко. Думать об этом было неприятно, так что я прошел в спальню.

Комната была просторная, светлая. Большую ее часть занимала огромная двуспальная тахта. Рядом с ней находился встроенный гардеробный шкаф, а у окна – маленький туалетный столик. Обои – бледно-желтые с зеленым. Ни картин, ни других украшений.

Закрыв дверь, я устался на тахту. Нахлынули воспоминания. Лишь через несколько минут я прошел к туалетному столику и взглянул на впечатляющий набор бутылочек, тюбиков с кремом и прочей косметики, в беспорядке разбросанной по засыпанному пудрой стеклу. Я выдвинул ящики. В них был обычный девичий хлам: носовые платки, шелковые шарфики, кожаные пояски, перчатки, дешевая бижутерия. Сунув указательный палец в картонную коробку, я поворошил ожерелья, браслеты, кольца. Ничего примечательного. Я вспомнил о бриллиантовом браслете и бриллиантовой же булавке для галстука. Нетта так ими гордилась. Браслет подарил я, а булавку – другой парень; Нетта так и не призналась, кто именно. Я прошелся по ящикам, но не нашел ни браслета, ни булавки. Интересно, куда они делись. Неужели отправились в полицейский сейф?

Затем я открыл гардеробный шкаф, и комната тут же наполнилась легким ароматом сирени. Любимые духи Нетты. В шкафу было почти пусто. Остались два вечерних платья, пальто, юбка и халат. Я был изрядно удивлен. В свое время шкаф ломился от одежды.

Платье огненного цвета я помнил хорошо. Оно было на Нетте в ночь нашей первой близости. Сентиментальному парню вроде меня непросто забыть такое платье. Протянув руку, я снял его с вешалки и понял, что к изнанке прикреплено что-то тяжелое.

Я прощупал ткань. Пистолет. Расстегнув платье, я обнаружил вшитый крючок. На нем, зацепившись предохранителем, висел люгер.

Я присел на тахту, держа платье в одной руке, а люгер – в другой. Поразительно. Уж что-то, а пистолет в квартире Нетты я найти не ожидал.

У люгера было две приметные особенности: глубокая царапина на стволе и задира на рукоятке, словно над ней поработали напильником. Должно быть, стачивали имя владельца. Понюхав пистолет, я испытал новое потрясение. Из оружия стреляли, хоть и довольно давно. Запах горелого пороха был несильным, но все же заметным. Положив пистолет на кровать, я почесал в затылке, пару минут подумал, встал и снова подошел к шкафу. Выдвинул два ящика, где Нетта хранила шелковые чулки и нижнее белье. Она была одержима шелковыми чулками. Сколько мы были знакомы, Нетта всегда носила чулки только из шелка. Запаслась ими прямо перед войной, а гости из Америки – и я в том числе – регулярно пополняли ее коллекцию. Я поворошил вещи в ящиках, но шелковых чулок не нашел.

Потушив сигарету, я хмуро задумался. Возможно, миссис Крокетт заглядывала сюда и забрала чулки. Или полицейские не справились с искушением. Это можно понять, ведь достать шелковые чулки практически нереально. А у Нетты было по меньшей мере двенадцать пар. Два года назад, когда я видел ее в последний раз, их было тридцать шесть. Откуда мне это известно? Однажды вечером Нетта попросила купить ей шелковые чулки. Вывернув содержимое ящика на пол, я пересчитал упаковки, чтобы доказать, что еще одна пара будет лишней. Да, здесь должно быть пар двенадцать, если не больше. И где они?

Я решил обыскать квартиру. В бытность криминальным репортером меня научили, как незаметно обшарить все уголки в доме. Работать придется долго и кропотливо, но мне почему-то казалось, что игра стоит свеч.

Я тщательно, методично обыскал каждую комнату. Ничего не пропуская, разворачивал жалюзи, прощупывал ламбрекены, заглядывал под ковры и простукивал пол.

На полу спальни, возле камина, обнаружилась непришитая доска, а под ней – небольшой тайничок. Раньше в нем, похоже, что-то хранилось, но теперь в тайничке было пусто. В ванной, в рулоне туалетной бумаги, я нашел восемь пятифунтовых купюр. Еще восемь – в гостиной, между репродукцией Варгаса и картонным задником. В банке кольдкрема было спрятано платиновое кольцо с бриллиантом. На вид камень был неплохой. Эту вещицу я раньше не видел. Странное место для кольца. С другой стороны, не более странное, чем те, где я обнаружил пятифунтовые купюры.

Я пошел на кухню и после кропотливых поисков нашел конверт формата «фулскап»; тот был спрятан на дне банки с мукой. Вытащив конверт, я сдул с него муку и прочитал адрес, написанный неаккуратным, размашистым почерком Нетты: «Мисс Энн Скотт, Беверли».

Может, сестра? Задумавшись, я прощупал тяжелый, объемистый конверт. Похоже, внутри целая пачка бумаги.

Все это было необычно, подозрительно, тревожно. А главное – совершенно непонятно.

Убедившись, что на кухне не осталось ничего интересного, я вернулся в гостиную и разложил на столе свои находки: люгер, кольцо с бриллиантом, шестнадцать пятифунтовых купюр и письмо, адресованное Энн Скотт.

Итак, у девушки есть восемьдесят фунтов и кольцо с бриллиантом. Зачем ей сводить счета с жизнью? Что за проблемы, кроме финансовых, могли толкнуть Нетту на этот поступок? Подобных сложностей я представить себе не мог. На самом деле я был более чем уверен, что Нетта не покончила с собой. Убийство? Если она не убивала себя, значит ее убил кто-то другой. О несчастном случае речь не идет. Таких несчастных случаев не бывает.

Снова закурив, я задумался. Нужно обсудить это дело с полицией. Мне вспомнился инспектор Корридан из Скотленд-Ярда. Когда я жил в Лондоне, мы с ним водили дружбу. Он не раз брал меня в рейды по воровским притонам, а еще помог собрать материал для неплохой статьи в «Сатердей ивнинг пост».

Да, Корридан – именно тот, кто мне нужен. Я тут же потянулся к телефону.

Инспектор ответил не сразу. Я назвал свое имя, и он меня вспомнил.

– Хармас? Рад слышать, – сказал он. – Вам повезло, что застали меня. Я как раз собирался уходить.

– Торóпитесь? – спросил я, взглянув на часы. Было почти девять.

– Хочу домой. У вас что-то срочное?

– Скорее, любопытное, – сказал я. – Нужен ваш совет. Возможно, помощь. Речь о девушке по имени Нетта Скотт. Позапрошлым вечером она покончила с собой.

– Ну-ка, повторите, – резко произнес Корридан.

– Девушку зовут Нетта Скотт. В прошлом мы дружили. Если честно, Корридан, я не могу согласиться с версией о самоубийстве.

Помолчав, он сказал:

– Сегодня вечером у меня нет особых дел. Что предлагаете?

– Давайте встретимся через полчаса в гостинице «Савой». Будет проще, если вы наведете справки о девушке. Любая деталь может оказаться важной. – Я продиктовал ему адрес Нетты.

Он пообещал все разузнать и повесил трубку. Что мне в нем нравилось, так это умение ничему не удивляться. Корридан никогда не задавал кучу ненужных вопросов и всегда был готов прийти на помощь, невзирая на время суток, – даже если был сильно занят.

Я рассовал по карманам пистолет, конверт, кольцо и деньги.

Убедившись, что ничего не пропустил, я выключил свет, открыл входную дверь и вышел на площадку.

Юлиус Коул выставил из квартиры стул и, покуривая, сидел у открытой двери. Похоже, он дожидался меня.

– Почему ты непустил меня, милый? – спросил он, загадочно улыбаясь. – У тебя тоже не было права там находиться.

– Иди куда подальше, – заметил я, спускаясь по лестнице.

– Не убегай, милый. – Соскользнув со стула, он подошел к лестнице. – Ну как оно там? – Он хихикнул. – Нашел у нее красивые вещички? Ты же, наверное, перебрал всю ее одежду. Жаль, что меня там не было.

Не оглядываясь, я спускался дальше.

Услышав стук в дверь, миссис Крокетт тут же открыла.

– Долго вы копались, – отрывисто сказала она, выхватывая ключ у меня из руки. – Ничего не стащили? Полицейские особо подчеркивали, чтоб все оставалось как есть.

Я покачал головой:

– Все на месте. После ее смерти в квартиру кто-нибудь заходил? Кроме полиции? Например, мистер Коул?

Старуха помотала головой:

– Никто, кроме вас. Вот точно, зря я это...

– Там были шелковые чулки. А теперь их нет, – перебил я. – Вам о них что-нибудь известно?

– На кой мне шелковые чулки? Ничего не знаю! – отрезала она.

Невнятно промывчав слова благодарности, я спустился по узкой лестнице к двери подъезда.

Оказавшись на улице, я оглянулся на дом. В квартире Юлиуса Коула горел свет, в остальных окнах было темно. Вспомнив о Мэдж Кеннитт, я решил, что она не вписывается в общую картину – по крайней мере, пока. Ярдах в пятидесяти от меня была Кромвель-роуд. В ее сторону я и направился.

На улице было всего три фонаря: один – в начале, другой – в конце, третий – посередине. Было темно, а в тени зданий – еще темнее. Потому-то меня и удалось застать врасплох.

Услышав шаги за спиной, я внезапно почувствовал опасность, пригнулся и отпрыгнул в сторону.

Что-то очень твердое ударило меня в плечо, и я рухнул на колени. Взмахнув рукой, я выпрямился, подался чуть вбок и отскочил назад, заметив темную фигуру. Человек как раз замахивался предметом, похожим на автомобильную монтировку. Он рубанул сплеча. Монтировка просвистела мимо лица; я шагнул вперед и со всей силы врезал парню по ребрам. Отшатнувшись, он выронил монтировку и сдулся, словно проколотый воздушный шарик.

– Что это ты задумал, черт побери? – Не дожидаясь ответа, я двинулся на него.

Теперь мне удалось его рассмотреть. Молодой, тощий, недокормленный коротышка. Лица почти не видно; я лишь заметил, что оно одутловатое. Одежда дешевая, а на голове засаленная, словно пропитанная жиром, шляпа.

Я хотел схватить парня, но тот вывернулся и молнией умчался прочь.

Я смотрел ему вслед, вслушиваясь в еле слышный звук шагов. Плечо болело, и я был порядком напуган.

– Твою ж мать, – пробормотал я, встревоженно посмотрел по сторонам и в спешке направился к огням Кромвель-роуд.

Глава третья

Не успел я пробыть в номере и пяти минут, как позвонили с ресепшен. Меня спрашивал инспектор Корридан.

– Попросите его подняться. – Нажав кнопку, я вызвал официанта. Они с Корриданом оказались у двери одновременно.

Корридан, мускулистый голубоглазый здоровяк тридцати пяти лет, имел невыносимую привычку смотреть сквозь собеседника. Он был суров даже с друзьями: никогда не смеялся, да и улыбался редко.

Мы обменялись сердечным рукопожатием, и он одобрительно оглядел комнату.

– Должен сказать, вы неплохо устроились, – заметил он, быстро взглянул на официанта и продолжил: – Надеюсь, вы хотите угостить меня выпивкой?

– Обязательно. Еще и поужинаем, – сказал я.

– Вижу, для полиции Лондона вам ничего не жалко.

Официант дал нам меню. Мы выбрали холодное консоме, волованы с курицей и мороженое. К заказу я добавил два двойных виски и графин алжирского вина.

– Вы, газетчики, знаете толк в хорошей жизни, – вздохнул Корридан, опускаясь в единственное кресло. – Мне часто приходит на ум, что вместо полицейской службы стоило заняться чем-то менее обременительным и более прибыльным.

– Чья бы корова мычала, – буркнул я, усаживаясь на кровать. – Готов поспорить, вас заваливают взятками. Половина лондонских преступников платит вам за молчание.

Рот Корридана сжался в тонкую линию.

– У вас извращенное чувство юмора. Еще более извращенное, чем ваши моральные устои, – ответил он.

Я видел, что он не шутит.

– Ладно. Не будем о моих моральных устоях, – усмехнулся я. – Чертовски рад, что вы смогли приехать.

– Эта Нетта Скотт была вашей подругой? – спросил Корридан, подходя к окну. Прежде чем я успел ответить, он продолжил: – Я достаточно насмотрелся на Темзу из окон Скотленд-Ярда, но под этим углом, в таком освещении река выглядит очень красиво. Вы не находите?

– Оставим Темзу в покое, – коротко сказал я. – Вас кормят и поят здесь не потому, что мне захотелось выслушать лекцию о достопримечательностях Лондона.

Корридан бросил на меня быстрый взгляд:

– Судя по голосу, вы взволнованы. Что-то не так?

Я кивнул:

– Возможно... – И тут официант принес напитки. Когда он удалился, я продолжил: – Касательно Нетты Скотт. Мы дружили. Познакомились в сорок втором, пару лет плотно общались. Меня потрясло известие о ее самоубийстве.

Отпив немного виски, Корридан одобрительно вздернул подбородок.

– А виски неплохой, – заметил он. – Но вы, очевидно, не желаете обсуждать напитки. Я прочитал отчет врача. Ваша подруга действовала наверняка. Прежде чем включить газ, она приняла убийственную дозу настойки опия. В этом деле нет никакой загадки. Банальное самоубийство. Им занимался кенсингтонский отдел. Вчера в семь утра туда позвонил один из жильцов, мужчина по имени Юлиус Коул. Когда девушку обнаружили, она лежала головой в духовке, а в кухне было полно газа. Окна заклеены липкой лентой, а дверь и без этого прилегает плотно. Девушка была мертва уже часов шесть. Если говорить навскидку, смерть наступила около часа ночи. Следов насилия на теле не обнаружено. Все подтверждает версию о самоубийстве. Тело

отвезли в местный морг, где его официально опознал этот Коул. Он заявил, что внешность погибшей ему хорошо знакома. Теперь мы пытаемся связаться с ее родственниками, на данный момент – безуспешно.

Допив виски, я почувствовал себя лучше.

– Вопрос об убийстве не рассматривается?

Корридан прощупал меня взглядом:

– Нет. С чего бы?

– И ваши люди всем довольны?

– Они никогда ничем не довольны, но полностью исключают убийство. Суицид случается ежедневно. Возможно, вам будет интересно узнать, что вероятность самоубийства зависит от того, чем человек зарабатывает на жизнь, – продолжал Корридан, прикрыв глаза и усевшись поглубже в кресло. – Больше всего самоубийств совершают люди, чья работа связана со стрессом и чувством ответственности или выпадает на ночные часы. Фармацевты, врачи, юристы, владельцы пабов, работники ночных клубов, мясники и военнослужащие находятся в самом верху этого списка профессий, а замыкают его садовники, рыболовы, священники, школьные учителя и государственные служащие.

Я охнул:

– Похоже, я попадаю в группу риска. Ладно, хватит об этом. Значит, поскольку работники ночных клубов – потенциальные самоубийцы, Нетта покончила с собой. Верно?

Корридан кивнул:

– Что-то в этом роде. В любом случае ее профессия наводит на определенные мысли. Будь она, к примеру, школьной учительницей, мы бы подошли к вопросу более внимательно. Понимаете, о чем я?

– И вы считаете, что такая девушка, как Нетта, решила бы сунуть голову в духовку? Не выброситься из окна, не отравиться?

– Женщины хотят сохранить пристойный внешний вид даже после смерти, – ответил Корридан, пожав плечами. – Особенно такие красавицы, как Нетта. Если выброситься из окна, тело будет выглядеть очень неопрятно. Я такое видел, и не раз. Благодаря одному пустячку, известному как Закон об опасных лекарственных веществах, самоубийцы все реже принимают яд. Если не ошибаюсь, в прошлом году около шестисот женщин покончили с собой с помощью каменноугольного газа. Если интересно, я раздобуду для вас более точные цифры.

– Достаточно этих, – сказал я. – А почему вы думаете, что она покончила с собой?

Корридан допил виски, отставил стакан и снова пожал плечами:

– Не следует забывать о том, что побуждает человека поступить так, а не иначе. – Закинув ногу за ногу, он уселся еще глубже в кресло. – Когда нужно определить, что произошло – суицид, убийство или несчастный случай, – полезно владеть информацией о причинах самоубийств. Основных причин, по которым люди совершают такой поступок, четыре. Перечислю их в порядке убывания важности: психическое расстройство, алкоголь, финансовые проблемы и любовь. Разумеется, бывают и другие причины, но эти встречаются наиболее часто. Насколько нам известно, у девушки не было долгов, пила она в меру и, по словам Коула и домовладелицы, была психически здорова. Поэтому разумно предположить, что виной всему несчастная любовь.

– Вы, фараоны, сводите все к эмпирическим правилам. Просто сил нет, – сказал я, когда официант вкатил в комнату столик, груженный яствами. – Давайте-ка перекусим.

– Здесь отличный виски. Было бы неплохо повторить, – заметил Корридан, поднимаясь на ноги. Он пододвинул к столику стул с прямой спинкой.

– Еще два виски, – сказал я официанту, – а потом мы сами за собой поухаживаем.

Усевшись за столик, мы принялись за консоме.

– Почему вы исключаете убийство? – невзначай спросил я.

– Ну что вы за человек... – Корридан покачал головой. – Я ведь только что сказал... – Резко взглянув на меня, он нахмурился. – Но вы, вероятно, знаете об этом больше моего. Пожалуй, сначала стоит выслушать вас, а уже потом углубляться в рассуждения. – Уголки его губ чуть изогнулись – так Корридан изображал улыбку. – Вы считаете, что ее убили?

– Готов поставить на это пятьсот фунтов, – сказал я.

Корридан поднял брови:

– А у вас есть пятьсот фунтов?

– Есть. Ну что, поспорим?

– Я не спорю с янки – вы слишком хитрые. – Отодвинув тарелку, он промокнул тонкие губы салфеткой. – Хм. Откуда такая уверенность?

– Я был у нее дома. Осмотрелся. Нашел кое-что интересное и через секунду все вам покажу. Но сперва скажите: ваши люди забирали что-нибудь из квартиры?

– Нет. Что-то пропало?

– Сколько-то пар шелковых чулок, большая часть одежды, бриллиантовый браслет и бриллиантовая булавка для шарфика.

– Вещи дорогие?

– Три года назад браслет обошелся в двести фунтов. Сейчас он стоит вдвое дороже. Насчет булавки не знаю.

– Откуда вам известно, что они пропали? Девушка могла их продать, верно?

Я сказал, что не подумал об этом.

– И все же навряд ли она их продала. Нетта любила эти украшения и ни за что не рассталась бы с чулками. Нет, я не верю, что она продала свои вещи.

Корридан внимательно смотрел на меня.

– Зря вы упрямитесь, – тихо сказал он. – Я думаю, она вполне могла их продать. Возможно, в свое время она испытывала недостаток в деньгах.

Наш разговор прервал официант, он принес виски. Немного подождав, мы приступили к волованам, по ходу разговора прикладываясь к стаканам.

– Не такой она человек, – произнес я. – Помню, однажды она сказала, что никакие неприятности не заставят ее так поступить. Будь вы там, поняли бы: она не из тех, кто способен наложить на себя руки.

– Как давно это было?

– Два года назад. Знаю, вы скажете, что людям свойственно меняться, но я уверен, что не такой она человек.

– Что еще? – Голубые глаза прошупывали меня, а губы снова изогнулись в улыбке. – Кроме информации об украшениях, чулках и фразы «не такой она человек». Что еще вы можете сказать?

– Много чего, но сперва давайте закончим ужин. Вы ничего о ней не знаете?

– Приводов у нее не было, если вы об этом, – ответил Корридан, сосредоточенно пережевывая пищу. – Она работала платной танцовщицей в «Блю-клабе». Пару раз ей выписывали штраф за нарушение правил дорожного движения. Больше нам ничего о ней не известно.

– А «Блю-клуб»? Слышал, в последнее время там не все чисто.

– «Блю-клуб» был рассчитан на американцев. Теперь американцы вернулись на родину, и такие заведения по большей части переживают не лучшие времена. «Блю-клуб» – подозрительное место, но в данный момент Брэдли чуть хитрее нас. Мы считаем, что там игорный притон, а еще продажа спиртного в неположенное время суток. Уверен, продукты они берут на черном рынке. Однако нам не удалось внедрить туда своих людей, а облавы оказались безрезультатными. Шеф уверен: кто-то из наших предупреждает Брэдли о грядущем рейде. В любом случае Брэдли всегда опережает нас на один шаг. Но скоро этому придет конец.

Мы доели ужин, и Корридан вернулся в кресло. Убедившись, что он удобно устроился, я заказал бренди и сигары.

– Сейчас я, вероятно, смогу вас убедить. – Достав люгер, я передал его Корридану.

Долгое мгновение он с каменным лицом рассматривал пистолет, а потом холодно взглянул на меня.

– Откуда это? – спросил он.

Я рассказал.

Он задумчиво осмотрел люгер, покачал головой и снова расслабился.

– Знай вы, сколько женщин имеет такие игрушки, не придавали бы этому большого значения, – сказал он. – Почти все американские солдаты привезли их из Германии и раздали подружкам. Почему вы так волнуетесь из-за пистолета?

– Я не волнуюсь, – заметил я. – Но странно, что Нетта прятала его под платьем. Разве нет? – И внезапно задумался, не выставляю ли я себя на посмешище.

– Вероятно, на то были свои причины. Владение такой штуковиной может вызвать вопросы у полиции. – Вытянув длинные ноги, Корридан понюхал бренди. – Есть что-нибудь поконкретнее?

Рассказав о найденных деньгах, я передал ему шестнадцать пятифунтовых купюр и письмо, адресованное Энн Скотт. И еще отдал кольцо с бриллиантом.

– А вы действительно провели очень тщательный обыск? – Корридан подмигнул мне. – Не знаю, было ли у вас такое право. А?

– Может, и не было, – ответил я, пожевав сигару, – но все это мне не нравится, Корридан. Где-то что-то не сходится. – И я рассказал о парне, который хотел на меня напасть.

Наконец Корридан проявил хоть какой-то интерес:

– Вы его видели?

– Было очень темно, и меня застали врасплох. Ну ладно, – сказал я, увидев, как он едва заметно ухмыльнулся, – я до чертиков перепугался. В подобной ситуации вы бы тоже растерялись. Парень прыгнул на меня с монтировкой в руке, и у него была прекрасная возможность раскроить мне череп. Мне не удалось его толком разглядеть, но он молод, невысок и бежит быстрее зайца. Если увижу его еще раз, пожалуй, смогу узнать.

– Как вы думаете, что ему было нужно?

– Может, люгер, – предположил я. – Поэтому я прошу вас его проверить. Видите, ствол поцарапан, а на рукоятке когда-то была надпись. Возможно, гравировка с именем владельца. Думаю, пистолет может оказаться хорошей зацепкой.

– Вы начитались детективов, – пробурчал Корридан. – Хотя проверить не повредит. – Он понюхал люгер. – Из него стреляли. Я бы сказал, с месяц назад. А еще он пахнет сиренью.

– Любимые духи Нетты, – сообщил я. – Ну, что знал, то рассказал. Зря я надеялся вас впечатлить. Проблема в том, что у вас нет воображения.

Корридан почесал свой длинный мясистый нос:

– Может, и так. Зато я очень практичный человек. И здравый смысл подсказывает, что девушка покончила с собой. – Взяв конверт, он постучал по нему ногтем. – Посмотрим, что внутри?

– А можно?

– Полицейскому можно все, – подмигнув, сказал он. Вынул карандаш, сунул грифель под клапан конверта и аккуратно покатав вправо-влево. Не устояв перед таким аргументом, клапан приподнялся.

– Долго ли умеючи. – Он взглянул на меня и кисло улыбнулся. – Разумеется, необходимо рассчитать усилие.

– Постараюсь, чтобы мои письма не попали вам в руки, – сказал я. – Ну и что внутри?

Заглянув в конверт, Корридан присвистнул. Двумя пальцами он извлек на свет стопку бумаг, на которых был напечатан какой-то текст.

– Предъявительские облигации, – сказал он.

Разинув рот, я придвинулся поближе:

– Похоже, их тут немало.

Корридан пролистал бумаги:

– На пять тысяч фунтов. Интересно, откуда они взялись? – Корридан заглянул в конверт. – Записки нет. Хм, должен признать, это немного странно.

– Вот и до вас дошло, – рассмеялся я. – Как по мне, вся эта ситуация – странная от начала до конца. Ну и что будете теперь делать?

– Пожалуй, отправлюсь в Лейкхем и встречу с мисс Скотт. Мне бы хотелось знать, откуда взялись эти облигации. Если она не сможет рассказать, придется их проверить. Дело не из быстрых, тем не менее мне хотелось бы все выяснить.

– Можно поехать с вами? – спросил я. – Вы будете Холмс, а я – Ватсон. Кроме того, я хочу познакомиться с сестрой Нетты. Вдруг она не знает, что Нетта умерла. Думаю, когда она услышит новости, мне следует быть рядом.

– Непременно поезжайте, – разрешил Корридан, поднимаясь на ноги. – Допустим, завтра утром. Можем отправиться на автомобиле.

– Шикарно. Но не подумайте, что мы закончили, – сказал я. – Мне от вас нужна еще одна услуга. Где я могу взглянуть на Нетту? Хочу увидеть тело, прежде чем ее похоронят.

– У вас нездоровые интересы, – заявил Корридан. – Какой в этом смысл?

– Такой уж я странный. – Я потушил сигару. – А что, если вы составите мне компанию? Я хочу, чтобы вы тоже поглядели на нее. Это поможет вам определиться, когда дело перейдет в горячую фазу, а я уверен, что так и будет. Чутье подсказывает, что мы нащупали что-то крупное. В конечном счете вы будете благодарны, что я наставил вас на путь истинный.

– Впервые вижу такого парня, – пробормотал Корридан.

Подойдя к телефону, он набрал номер Скотленд-Ярда и приказал прислать к гостинице «Савой» полицейский автомобиль. Я ждал рядом.

– Поехали, – сказал он. – Если бы не отмененный ужин, я бы послал вас ко всем чертям. Но за развлечение, похоже, придется платить. Кто знает, вдруг пригласите меня снова.

– Действительно, кто знает, – заметил я.

Мы вышли в коридор и направились к лифту. Не прошло и четверти часа, как мы приехали в морг. Удивленный визитом Корридана, дежурный офицер вышел поздороваться.

– Нетта Скотт, – коротко сказал Корридан. С младшими по званию он всегда был немногословен. – Она у вас. Я хочу ее видеть.

Констебль, молодой краснощекий деревенщина, покачал головой:

– Не выйдет, сэр. Она была здесь, но час назад ее перевезли в другой морг. В Хаммерсмит.

– Неужели? – Корридан нахмурился. – Кто распорядился?

– Не знаю, сэр, – смущенно ответил констебль.

– Не знаете? – рявкнул Корридан. – Но вы определенно должны были получить официальный приказ, прежде чем выдать тело. Разве нет?

Констебль изменился в лице:

– Ну, нет, сэр. Я здесь новенький. Я... я не знал, что в таком случае необходим приказ. Водитель неотложки сказал, что произошла ошибка и останки надо свезти в Хаммерсмит. Я разрешил ему забрать тело.

Потемнев от ярости, Корридан оттолкнул констебля, прошел в кабинет и захлопнул за собой дверь.

Посмотрев ему вслед, констебль почесал в затылке.

– Интересно, что стряслось. – Он посмотрел на меня. – Думаете, я поступил неправильно, сэр?

Я пожал плечами:

– Понятия не имею. – Мне вдруг стало тревожно. – Но скоро вы всё узнаете.

Через несколько минут Корридан вышел из кабинета, промаршировал мимо констебля и коротким кивком велел мне следовать за ним. Остановившись у двери, он оглянулся.

– А вам, друг мой, вскоре предстоит неприятный разговор, – резко сказал он, обращаясь к констеблю, после чего направился к полицейской машине.

Я уселся рядом с ним. Когда мы отъехали, я спросил:

– Ну что, теперь едем в Хаммерсмит?

– Из Хаммерсмита не присылали за телом, – раздраженно сказал Корридан. – Любой, кроме этого дурня, почуял бы неладное. Пару часов назад угнали машину «скорой помощи». Кто-то – хотите верьте, хотите нет – похитил тело Нетты Скотт. Невероятно! Бога ради, зачем? – И он, сжав кулак, с силой ударил в спинку водительского сиденья.

Глава четвертая

На следующее утро меня разбудил телефон. Я сел в постели и взял трубку, одновременно сдержав зевоту. Вглядевшись в часы на прикроватном столике, я узнал, что сейчас десять минут девятого, и проворчал:

– Кто говорит?

– Вас спрашивает инспектор Корридан, – сказал портень.

– Хорошо, пусть поднимется, – ответил я, после чего схватил халат и умчался в ванную, чтобы по-быстрому принять душ.

Спал я неважно и все еще чувствовал некоторую обиду из-за того, что Корридан сразу же отвез меня назад в «Савой». Он сказал: «Простите, Хармас, но теперь этим будет заниматься полиция. Я не могу взять вас с собой». Вот и все. Разумеется, он был раздражен, и по вполне понятной причине. Но, несмотря на всю информацию, которой я его снабдил, он повел себя так, словно ему совершенно плевать на мои интересы. Таков уж Корридан. Когда он приступает к делу, то работает один.

Я как раз выходил из ванной, когда в дверь постучали. Я открыл. В комнату вошел Корридан, усталый и небритый.

– Неужели вы только что встали? – осведомился он, бросив шляпу на стул. – Лично я даже не ложился.

– Вы же не думаете, что я расплачусь от сочувствия? – парировал я. – После того как вы прогнали меня вчера вечером?

Корридан сел. Он выглядел мрачнее обычного.

– Устройте мне кофе, любезный, и прекращайте ворчать, – сказал он. – У меня выдалась кошмарная ночь.

Подняв трубку, я позвонил официанту и заказал кофе.

– Вам некого винить, кроме самого себя, – заметил я. – Останься я с вами, сделал бы половину работы.

– Через полчаса у меня встреча с шефом. По пути я решил заглянуть к вам и сообщить новости, – сказал Корридан. – Во-первых, пистолет. Раньше он принадлежал парню по имени Питер Аттерли, лейтенанту армии США. Он вернулся на родину, но мы связались с заокеанскими властями, чтобы его допросили. Оказалось, он был знаком с Неттой Скотт и подарил ей люгер в качестве сувенира. Вы помните, я уже говорил, что именно так можно объяснить наличие пистолета.

– А быстро вы справились. – Я был немного разочарован таким банальным объяснением.

– Да, при необходимости мы работаем без промедлений, – строго сказал Корридан. – С пистолетом все. «Скорую» мы нашли на Хампстед-хит, а тело пока не обнаружено. У нас есть описание водителя, но под него подходит любой молодой человек. Понять не могу, куда делось тело. Тем более с какой целью его украл.

– Должно быть какое-то объяснение. – В комнату вошел официант, и я жестом велел ему поставить кофе на стол. – Если только это не розыгрыш.

Корридан пожал плечами.

– Мы докопаемся до сути, – сказал он и взглянул на часы. – Давайте уже выпьем этот кофе. Через минуту мне нужно уходить.

Я принялся разливать кофе по чашкам, а Корридан продолжил:

– Я проверил облигации. Они фальшивые. Такие находки всегда выглядят подозрительно. Вы не знаете, зачем девушке прятать фальшивые облигации у себя в квартире?

– Нет. Разве что их дали Нетте под видом настоящих, – сказал я, передавая Корридану чашку. – Разумеется, я уже давно не общался с Неттой, и она могла попасть в дурную компанию, но это вряд ли.

– А я думаю, это вполне вероятно, – проворчал Корридан, потягивая кофе. – То кольцо с бриллиантом, которое вы мне дали, – оно с историей. Было украдено несколько недель назад вместе со значительным количеством других украшений. Вчера ночью его опознал хозяин драгоценностей, Хэрви Алленби. Наши люди все ждали, когда этот товар выбросят на рынок. Кольцо – первая из находок. Как оно могло оказаться у девушки?

Я в замешательстве покачал головой:

– Возможно, кто-то подарил.

– В таком случае зачем прятать его в банке кольдкрема? – спросил Корридан, допивая кофе. – Странное место для кольца, если у вас чистая совесть. Не так ли?

Я согласился.

– Что ж, разберемся, – продолжал Корридан. – Однако версия убийства все еще кажется мне сомнительной, Хармас. В конце концов, ведь именно это вас волновало? Остальное можете предоставить мне.

– То есть теперь вы будете играть роль фараона, да? – сказал я. – Что ж, я думаю, ее кто-то прикончил. Если воспользуетесь той болванкой для шляпы, которая у вас вместо головы, я за две минуты объясню, почему это не самоубийство.

Смерив меня холодным взглядом, Корридан направился к двери.

– У меня нет на это времени, Хармас, – произнес он. – Дел неупрочен, а фантазии газетчика едва ли меня заинтересуют. Простите, но вам следует передать это дело компетентным лицам.

– Должно быть, время от времени миссис Корридан очень вами гордится, – саркастически заметил я. – Думаю, сейчас как раз такой случай.

– Жаль вас разочаровывать, но я холост, – сказал Корридан. – Мне нужно идти. – У двери он остановился. – Боюсь, пригласить вас поехать к Энн Скотт не получится. Отныне это официальное расследование. Мы не можем допустить, чтобы газетчик-янки вторгся в наши охотничьи угодья.

Я кивнул:

– Хорошо. Если вы так настроены, можете обо мне забыть.

– Уже забыл. – Кисло улыбнувшись, Корридан тихо вышел из комнаты.

Поначалу я был так разъярен, что не мог ясно мыслить, но потом успокоился и усмехнулся. Значит, Корридан решил, что ему удастся отодвинуть меня в сторону? Да он, должно быть, спятил.

Я быстро оделся, схватил телефонную трубку, позвонил в справочную службу и сказал, что хочу взять машину напрокат. Когда я объяснил, что буду заправляться по удостоверению репортера, мне сообщили, что машина будет готова через двадцать минут. Я выкурил две сигареты, немного подумал и отправился вниз.

Для меня нашли «бьюик». Побоявшись спрашивать, во сколько мне встанет это удовольствие, я отвел администратора в сторонку и поинтересовался, как доехать до Лейкхема. Тот сказал, что местечко находится в нескольких милях от Хоршема и посоветовал выезжать из Лондона через мост Патни и кингстонский объезд. Потом заблудиться будет сложно, – добавил он, – поскольку на дороге до Хоршема полно указателей.

Несмотря на почтенный возраст, «бьюик» шел неплохо. Уже через пятнадцать минут я, ни разу не спросив дорогу, выехал на Фулхэм-роуд. В этот утренний час основной поток транспорта двигался в сторону Лондона, и моя полоса была практически свободна.

Проезжая мимо одного из упомянутых администратором ориентиров – футбольного поля в Стамфорд-Бридже, – в зеркале заднего вида я заметил потрепанный «стандарт». Я был

уверен, что он следует за мной от самого Найтбриджа. Добравшись до моста Патни, я снова увидел эту же машину и задумался. Да, я все еще нервничал после вчерашнего нападения; но неужели за мной следят?

Я попытался рассмотреть водителя, но у «стэндарда» было синее антибликовое стекло, сквозь которое я видел лишь очертания мужской головы.

Выехав на Патни-Хай-стрит, я остановился на светофоре. «Стэндард» встал прямо за мной.

Я решил убедиться, что человек в потрепанном «стэндарде» действительно преследует меня. Если так, «хвост» придется стряхнуть. Может быть, Корридан приставил ко мне одного из своих копов? Нет, это вряд ли.

Хорошо, что у меня «бьюик». Он гораздо мощнее «стэндарда». У того, похоже, всего четырнадцать лошадиных сил, а у моей машины – тридцать одна. Едва зажегся желтый свет, я вдавил педаль газа в пол и рванул вперед в надежде скрыться из виду. Я с ревом мчался в гору, прочь от Патни, переключившись с первой передачи сразу на третью. Стрелка спидометра угрожающе дрожала у отметки «восемьдесят миль в час».

Я видел, что люди смотрят мне вслед, но полицейских среди них не было, так что меня это не волновало. Я гнал «бьюик», не жалея топлива, пока не добрался до вершины холма. Там я сбросил скорость, удовлетворенно глянул в зеркало и обмер от изумления.

«Стэндард» шел в двадцати футах от меня.

Я все еще не был уверен, что за мной следят. Возможно, парень решил показать, что его автомобиль не уступает моему. Теперь я испытывал немалое уважение к потрепанному «стэндарду»; очевидно, под неряшливым кузовом скрывался первоклассный двигатель, заточенный под скоростную езду.

Я ехал дальше. «Стэндард» не отставал. Добравшись до объезда, я увидел, что преследователь все еще находится в ста ярдах от меня, и решил схитрить.

Высунув руку в окно, я притормозил у обочины. «Стэндард» помчался дальше. Когда он проезжал мимо меня, я рассмотрел водителя. Молодой, смуглый, засаленная шляпа натянута по самые уши. Увиденного мне хватило, чтобы узнать преследователя. Именно этот коротышка собирался прошлой ночью размозжить мне голову.

Теперь понятно, что он за мной следит. Проводив «стэндард» взглядом, я потянулся за сигаретой. Наверное, сейчас он вне себя. Думает, что делать дальше. Останавливаться ему не с руки, верно? Я вымученно усмехнулся. Проехав еще пару сотен ярдов, «стэндард» затормозил.

Вот и все. За мной следят. Я вынул из кармана карандаш и нацарапал номер «стэндарда» на оборотной стороне какого-то конверта.

Теперь нужно отделаться от этого парня. Раздумывать я не стал. В конце концов, нужно вернуть ему должок: прошлым вечером он меня изрядно напугал. Я завел мотор «бьюика», подъехал к «стэндарду», резко затормозил и выскочил из машины, прежде чем коротышка понял, что происходит.

– Здорово, приятель, – с улыбкой сказал я. – Мне тут птичка напела, что ты сел мне на хвост. И я не в восторге. – С этими словами я раскрыл перочинный нож. – Извини, что добавляю работы, сынок, – продолжал я. – Но тебе будет очень полезно размяться.

Парень сердито смотрел на меня. Рот его приоткрылся, обнажив желтые зубы, и коротышка стал похож на разъяренного хорька.

Наклонившись, я воткнул перочинный нож в шину «стэндарда», и та с шипением сдулась.

– Раньше резина была крепче. Верно, сынок? – спросил я, сложив нож и убрав его в карман. – Теперь придется менять колесо. Ну а я вынужден откланяться: мне нужно спешить на встречу.

Слово, которым он меня назвал, в другой момент расстроило бы меня, но сейчас я подумал, что у парня есть для этого оправдание.

– Если тебе угодно взять в руки монтировку, мы можем провести еще одну дуэль, – дружелюбно сказал я.

Он снова выругался, а я пошел к своей машине.

Когда я уехал, парень все еще сидел на месте; он оставался там же, когда, проехав ярдов шестьсот, я добрался до поворота.

«А щенок-то оказался чувствительный», – подумал я.

В полной уверенности, что теперь меня не преследуют, через полчаса я приехал в Хоршем. Дорога была почти пустой, и несколько миль я не видел за собой ни одного автомобиля.

После Хоршема я направился в сторону Уэртинга, а через несколько миль свернул к Лейкхему. Места там были чудесные, а день выдался жаркий и солнечный. Последняя часть пути мне очень понравилась, и я подумал, что зря просидел столько дней и ночей в душном, грязном Лондоне. Лучше бы познакомился с этой частью Англии.

Дорожный знак сообщил, что через три четверти мили я приеду в Лейкхем. На узком проселке я сбавил скорость и наконец увидел несколько коттеджей, паб и почтовое отделение. Похоже, я на месте.

Остановившись у паба, я вошел внутрь.

Зал был весьма своеобразным. Он походил на кукольный домик. Такое ощущение, будто меня посадили в коробку. Женщина, налившая мне двойной виски, была не прочь поговорить – особенно когда слышала мой акцент.

Мы поболтали о местных пейзажах, о том о сем, и я спросил, не знает ли она, где найти коттедж под названием Беверли.

– Вы имеете в виду дом мисс Скотт? – уточнила женщина. Внезапно ее взгляд сделался неодобрительным. – Она живет в миле отсюда. На первом перекрестке свернете налево. Ее коттедж стоит чуть в стороне от дороги. Соломенная крыша, желтые ворота. Мимо не проедете.

– Шикарно, – сказал я. – Я знаком с ее подругой. Может, и навещу. А вы хорошо ее знаете? Интересно, что она за человек. Как думаете, мисс Скотт будет рада знакомству?

– Насколько мне известно, она всегда рада, когда мужчины заходят в гости, – фыркнула женщина. – Сама я ни разу ее не видела. Никто из деревенских – тоже. Она приезжает только на выходные.

– Может, кто-то присматривает за ее коттеджем? – предположил я, задаваясь вопросом, не зря ли я проделал весь этот путь.

– Этим занимается миссис Брэмби, – сообщила женщина. – Тоже так себе дамочка.

Расплатившись, я сказал «спасибо» и вернулся к «бьюику».

Поиски Беверли заняли у меня несколько минут – я заметил коттедж за деревьями, чуть в стороне от узкого проселка. Он стоял посреди очаровательного сада: оштукатуренный, двухэтажный, с соломенной крышей. Такие домики очень приятны глазу.

Оставив «бьюик» у ограды, я открыл ворота и пошел по тропинке, ведущей к дому. Солнце палило нещадно; в неподвижном воздухе висел аромат гвоздик, роз и желтофиоли. Я и сам был бы не прочь тут пожить.

Оказавшись у дубовой двери, обитой гвоздями с большой шляпкой, я взялся за блестящую медную колотушку и постучал, чувствуя странное, тревожное волнение. Вдруг Энн не знает, что случилось с Неттой? Не совсем понятно, как сообщить ей такие новости. И еще интересно, похожа ли Энн на сестру и как мы с ней поладим. В общем, волнительный момент.

Через несколько мгновений на меня нахлынуло острое чувство разочарования. Похоже, в доме никого нет. По крайней мере, никто не спешит открывать дверь. Отступив назад, я посмотрел на второй этаж, а потом заглянул в окна первого. Увидел комнату во всю ширину дома, а за противоположными окнами – большой сад. Комната была неплохо обставлена и выглядела уютно. Я обошел вокруг дома. Там тоже никого не было. Я снял шляпу и на минуту задержался, любясь ухоженной лужайкой и яркими разноцветными клумбами.

Подойдя к черному ходу, я нерешительно повернул ручку, но дверь оказалась заперта. Я дошел до следующего окна и остановился, увидев задернутые шторы.

Вид занавешенного окна вызвал во мне необъяснимый страх. Шагнув вперед, я попытался заглянуть в комнату сквозь щель между шторами. Я видел, что за окном кухня, но поле зрения было ограничено: я рассмотрел только буфет, на котором висели чашки с ивовым узором и стройные ряды тарелок на полках.

И еще я почувствовал запах каменноугольного газа.

Под чьими-то шагами зашуршал гравий. Я развернулся. Ко мне стремительно приближались двое полисменов в штатском, а с ними – Корридан. Лицо у него было суровое, а взгляд сердитый.

– Скорее ломайте дверь, – сказал я, прежде чем он успел открыть рот. – Там пахнет газом.

Глава пятая

Попыхивая сигаретой в «бьюике», я наблюдал за деятельностью, которую полиция развернула как в самом коттедже, так и за его пределами.

Корридан не ожидал встретить меня. Справившись с удивлением, он напустил на себя официальный вид, а речь его стала отрывистой.

Но сперва он спросил:

– Какого черта вы здесь делаете?

Потом он тоже учуял запах газа.

– Вам здесь не место. И незачем так на меня смотреть. Это дело полиции, и репортеры здесь не нужны.

Я начал было спорить, но он оттер меня в сторону и велел одному из полисменов:

– Проводите мистера Хармаса за пределы участка и проследите, чтобы он там и оставался.

Мне хотелось ударить полисмена в нос, похожий на птичий клюв, но я знал, что этим ничего не добьюсь. Поэтому я вернулся к машине, уселся в салон, закурил сигарету и приступил к наблюдениям.

С помощью второго полисмена Корридан одолел входную дверь. Оба вошли в коттедж, а первый полисмен остался у ворот, хмуро глядя на меня. Я нахмурился в ответ.

Прошло несколько секунд, и я увидел, как Корридан открывает окна. Потом он скрылся из виду. Над лужайкой поплыл тошнотворный запах газа. Я прождал пятнадцать минут. Ничего не происходило. Затем к дому подъехала машина, из которой вышел высокий тип зловещей наружности. В руке у него был черный саквояж. Высокий перемолвился с полисменом, и они вместе ушли в дом.

Хоть я и не ясновидец, но понял, что этот человек – деревенский врач.

Через десять минут зловещий тип вышел во двор. Я ждал у его машины. Открывая дверцу, он смерил меня резким неприязненным взглядом.

– Прошу прощения, док, – сказал я. – Я репортер. Вы не могли бы сказать, что здесь происходит?

– Все вопросы к инспектору Корридану, – отрезал он, после чего сел в машину и уехал.

Полисмен у ворот усмехнулся, прикрыв рот рукой.

Через некоторое время из коттеджа показался второй полисмен. Шепнув что-то своему коллеге, он торопливо ушел по проселку.

– Наверное, Корридан заказал глазированное яблоко? – сказал я, обращаясь к полисмену у ворот. – Только ничего не говорите. Пусть тайна остается тайной.

Полисмен сочувственно улыбнулся. Я видел, что он не прочь посплетничать и ему не терпится с кем-нибудь поболтать.

– Ему велено привести миссис Брэмби. Ту, что приглядывает за домиком, – сообщил он, удостоверившись, что рядом только я.

– Там кто-то умер? – спросил я, тыча большим пальцем в сторону коттеджа.

Полисмен кивнул.

– Девушка, – ответил он, подходя ближе к «бьюику». – Красавица. Наложил на себя руки, как пить дать. Сунула голову в духовку. Мертва уже дня три-четыре, такое мое мнение.

– Оставьте свое мнение при себе, – заметил я. – Что сказал док?

– Собственно говоря, именно это он и сказал. – Полисмен застенчиво улыбнулся.

Я проворчал что-то неопределенное.

– Это Энн Скотт?

– Понятия не имею. Док ее не признал. Потому-то Берт и побежал за этой миссис Брэмби.

– А чем занят Корридан? – спросил я.

– Что-то вынюхивает, – ответил полисмен, пожав плечами. По выражению его лица я понял, что они с Корриданом не очень-то дружны. – Готов поспорить, пытается найти скрытые улики. Хотя дело-то ясное. Но ребята из Скотленд-Ярда всегда так себя ведут, чтобы быстрее продвинуться по службе.

Я счел это утверждение несправедливым, но вслух ничего не сказал. Обернувшись, я увидел на дорожке две фигуры: полисмена по имени Берт и высокую грузную женщину в мешковатом розовом платье.

– А вот и они, – сказал я, кивая в их сторону.

Женщина шла быстро. Шаг у нее был широкий, и полисмен едва поспевал за ней. Когда они приблизились, я разглядел лицо женщины: черноволосая, загорелая, лет сорок. Копна сальных волос была собрана в неаккуратный пучок на затылке. Несколько прядей выбились и падали на лицо. Она то и дело убирала их ладонью, крупной, как у мужчины.

Женщина пробежала по тропинке к дому. Взгляд у нее был безумный, а рот приоткрыт. Казалось, она переживает шок или вне себя от горя. Берт последовал за ней. Проходя мимо, он подмигнул коллеге.

Я закурил очередную сигарету и вернулся в машину. Настала пора тревожного ожидания.

Внезапно из открытых окон вырвался утробный крик, а за ним – истерические рыдания.

– Должно быть, там и правда Энн Скотт, – произнес я. Мне стало не по себе.

– Похоже на то, – согласился полисмен, устремив взгляд в сторону коттеджа.

Рыдания не стихали довольно долго. Женщина вышла из дома через полчаса, не раньше. Она двигалась медленно, уткнувшись лицом в нестираный носовой платок. Плечи ее поникли.

Полисмен открыл ворота и взял женщину за локоть, чтобы помочь ей выйти. Он сделал это от чистого сердца, но женщина тут же вырвалась.

– Уберите от меня свои треклятые руки, палач. Они все в крови, – приглушенным голосом сказала она, после чего направилась в сторону деревни.

– Настоящая леди, – заметил полисмен. Залившись краской, он закусил ремешок шлема.

– Возможно, сейчас она читает «Макбета», – предположил я, но полисмена это не утешило.

С тех пор как я увидел Корридана, прошло около полутора часов. Я проголодался. Было уже полвторого, но я решил подождать. Вдруг представится случай высказать Корридану все, что я о нем думаю?

Через десять минут инспектор подошел к двери и помахал мне. Я тут же выскочил из машины и промчался мимо полисмена.

– Ну ладно, – коротко сказал Корридан, когда я встал рядом с ним. – Думаю, вы хотите осмотреть помещение. Бога ради, только никому не говорите, что я вас впустил.

Я пришел к выводу, что не зря потчевал этого тупицу.

– Спасибо. Об этом не узнает ни одна живая душа.

В коттедже сильно пахло газом, сильнее всего – на кухне. На полу, свернувшись калачиком, лежала девушка.

– Да, это Энн Скотт, – мрачно произнес Корридан.

Я стоял над телом, чувствуя, что мне здесь не место. Сказать было нечего.

На девушке была белая пижама и розовый халат. Ноги босые, кулаки стиснуты, а голова в духовом шкафу. Осторожно переступив через ее ноги, я заглянул в духовку. Блондинка, лет двадцать пять. Даже после смерти она сохранила привлекательность. Ее лицо было безмятежным и весьма милым, но совершенно непохожим на лицо Нетты.

Сделав шаг назад, я посмотрел на Корридана:

– Уверены, что эта девушка – Энн Скотт?

– Конечно. – Он раздраженно махнул рукой. – Та женщина ее опознала. Вы же не думаете, что в этом происшествии есть какая-то загадка?

– Странно, что обе сестры покончили с собой. Разве нет? – Я нутром чуял: здесь что-то не так.

Кивнув на дверь, Корридан прошел в гостиную.

– Прочтите. – Он передал мне листок бумаги. – Это обнаружили рядом с телом.

Я взял листок. Там было написано: «Без Нетты жизнь потеряла смысл. Простите меня. ЭНН».

Я вернул записку Корридану:

– За пятьдесят лет службы в полиции я научился распознавать подлог.

– Сейчас не время для шуток, – холодно заметил Корридан, забирая листок.

Я усмехнулся:

– Как считаете, кому адресована записка?

Он покачал головой:

– Не знаю. Миссис Брэмби говорит, здесь бывало множество людей. Энн часто упоминала некоего Питера. Возможно, записка предназначена ему.

– Может, она имеет в виду Питера Аттерли? – предположил я. – Того, кто дал Нетте пистолет?

Корридан потер подбородок:

– Сомневаюсь. С месяц назад Аттерли вернулся в Штаты.

– Да, я забыл. – Я подошел к письменному столу в оконной нише. – В любом случае предположу, что вы поищите этого Питера. – Подняв крышку стола, я заглянул внутрь. Ни документов, ни писем. Все отделения тщательно протерты от пыли. – Она прибралась, прежде чем выйти из игры, – сообщил я. – Вы не находили писем или других бумаг?

Корридан отрицательно покачал головой.

– Есть ли способ узнать, что почерк на записке действительно принадлежит Энн?

– Дорогой друг... – раздраженно начал Корридан.

– Бросьте. Я подозрителен от природы. Нашли что-нибудь интересное?

– Ничего, – ответил он, пристально глядя на меня. – Я тщательно обыскал дом. Жаль вас разочаровывать, но здесь нет ничего, что указывало бы на связь Энн с поддельными облигациями или бриллиантовыми украшениями.

– Как-нибудь переживу, – с ухмылкой сказал я. – Просто дайте мне немного времени. Шелковых чулок тоже не нашли?

– Я не искал шелковые чулки, – отрезал Корридан. – У меня есть дела поважнее.

– Давайте поищем, – предложил я. – У меня пунтик на шелковых чулках. Где спальня?

– Теперь послушайте, Хармас. Дальше заходить вам не следует. Я впустил вас в дом...

– Да успокойтесь вы. Если не ради меня, то ради собственного здоровья, – сказал я, похлопав его по плечу. – Какой вред в том, что мы просто посмотрим? У Нетты были шелковые чулки. Они пропали. Возможно, у Энн тоже были шелковые чулки, и они все еще на месте. Давайте проверим.

Гневно взглянув на меня, Корридан повернулся к двери.

– Ждите здесь, – велел он, а сам направился на второй этаж.

Я пошел следом за ним.

– Вдруг понадобится. Всегда неплохо иметь под рукой свидетеля.

Оказавшись в маленькой, но роскошно обставленной спальне, Корридан немедленно подошел к комоду и принялся перебирать сваленные в кучу шарфики, свитера и шелковое белье.

– Вы обращаетесь с дамскими вещичками так, словно не первый год женаты, – заметил я. Открыл платяной шкаф, заглянул внутрь, обнаружил на вешалках два платья и брючный

костюм. – У бедняжки был скромный гардероб. Может, на ее долю не хватило карточек? Или думаете, что она увлекалась нудизмом?

Корридан нахмурился.

– Здесь нет чулок, – сказал он.

– Вообще никаких?

– Никаких.

– Вот и плюс в пользу версии о нудизме. Возможно, вы пожелаете сосредоточить свой острый, живой ум на проблеме отсутствия чулок. Сам я именно так и сделаю и буду упорствовать, пока не выясню, куда делись чулки обеих девушек.

– Черт возьми, к чему вы клоните? – взорвался Корридан. – Вы мыслите как герой бульварного романа. Кем вы себя возомнили – Перри Мейсоном?

– Неужели вам доводилось читать детективные рассказы? – удивился я. – Ну, что теперь?

– Я жду карету «скорой помощи», – сказал Корридан, спускаясь вслед за мной на первый этаж. – Тело отвезут в морг Хоршема. Разбирательство будет там же. Не думаю, что следствие установит что-то новое. Ситуация предельно ясна. – Однако в голосе инспектора слышалась озабоченность.

– Вы действительно думаете, что Энн, узнав о самоубийстве Нетты, последовала ее примеру? – спросил я.

– Почему бы и нет? Вы удивитесь, но в некоторых семьях происходит несколько самоубийств подряд. У нас есть статистика по этому вопросу.

– Я забыл, что в работе вы следуете эмпирическим правилам, – произнес я. – Почему вы пустили меня в дом только после обыска?

– Послушайте, Хармас. Вам, черт возьми, здесь вообще нечего делать. Вы попали сюда только по моей милости, – нашелся Корридан. – Это серьезное дело, и я не могу допустить, чтобы зеваки мешали выполнять мою работу.

– Вот только не нужно называть меня зевакой. Это вранье. Такое же вранье, как называть ваши телодвижения работой, – грустно сказал я. – Ну да ладно. Я буду вести себя прилично. И спасибо за предоставленную возможность.

Корридан бросил на меня резкий взгляд, проверяя, не шучу ли я. Решил, что шучу, и сжал губы.

– Ну, здесь больше нечего смотреть. Лучше уходите, пока не приехала «скорая».

– Да, пойду, – сказал я, направляясь к входной двери. – Думаю, у вас нет интереса выслушать мою версию о второй мертвой девушке?

– Ни малейшего, – твердо произнес Корридан.

– Так я и думал. Жаль, ведь мне кажется, что я сумел бы указать вам верный путь. Полагаю, на сей раз вы приставите к телу охрану? Вы ведь не хотите, чтобы его тоже украли?

– Какой вздор! – рассердился Корридан. – Ничего подобного не случится. Но я приму меры предосторожности, если вы об этом.

– Как ни странно, я именно об этом, – с улыбкой сказал я, открывая дверь. – Еще увидимся, приятель. – И я оставил Корридана в одиночестве.

Подмигнув полисмену у ворот, я забрался в «бьюик» и медленно поехал по проселку. Нужно было многое обдумать, а я даже не знал, с чего начать. Пожалуй, в качестве отправной точки стоит перемолвиться с миссис Брэмби. Да, так и сделаю.

Я знал, что она живет недалеко: чтобы привести ее, полисмену по имени Берт понадобилось лишь несколько минут. Я не хотел раскрывать Корридану свой замысел, поэтому проехал до конца дорожки, оставил «бьюик» за кустами и пешком вернулся назад. К счастью, мне встретился работяга-фермер; он указал на домик миссис Брэмби – маленький, неопрятный, с неухоженным садом.

Пройдя по заросшей сорняком тропинке, я постучал в дверь – раз, другой, третий. Наконец я услышал шаркающие шаги. Мгновением позже дверь распахнулась, и предо мной предстала миссис Брэмби. При ближайшем рассмотрении я решил, что она наполовину цыганка: очень смуглая, а черные как смоль глаза похожи на мокрые камушки.

– Что вам нужно? – осведомилась она резким голосом, напоминающим воронье карканье.

– Я репортер, миссис Брэмби, – сказал я, приподняв шляпу в надежде, что эта женщина ценит хорошие манеры. – Хочу задать вам несколько вопросов о мисс Скотт. Вы только что видели тело. Скажите, вы абсолютно уверены, что это была мисс Скотт?

– Конечно, это была мисс Скотт. – Захлопав ресницами, женщина начала закрывать дверь. – Не понимаю, о чем вы говорите. В любом случае я не собираюсь отвечать на вопросы. Уходите.

– Я готов вас отблагодарить, – пообещал я, многозначительно позвякивая мелочью. – Мне нужны подробности этого самоубийства, и моя газета щедро заплатит за такую информацию.

– Отправляйтесь ко всем чертям вместе с вашей газетой! – яростно крикнула миссис Брэмби и захлопнула дверь. Вот только моя нога была готова к такому развитию событий.

– Будьте душкой, – сказал я, улыбаясь женщине через трехдюймовую щель между дверью и косяком. – Что это за Питер, о котором вы рассказывали инспектору? Где я могу его найти?

Миссис Брэмби распахнула дверь и толкнула меня в грудь.

Этот ход застал меня врасплох. Отшатнувшись, я потерял равновесие и растянулся на земле. Толчок был такой, словно меня лягнула лошадь.

Дверь захлопнулась, и я услышал лязганье засова.

Медленно поднявшись на ноги, я стряхнул пыль и тихо присвистнул, после чего взглянул на окна второго этажа и окаменел, мельком заметив смотрящую на меня девушку. Как только я поднял взгляд, она отошла от окна. Я не смог бы подтвердить под присягой, что там была именно девушка. Это мог оказаться мужчина или вообще оптический обман. Но если глаза меня не подвели, сверху на меня смотрела Нетта Скотт.

Глава шестая

На столике у кровати стояла чашка кофе, а сам я просматривал утреннюю газету. Одна новость привлекла мое внимание, и я сел, чуть не опрокинув поднос.

Заголовок гласил: «ЗАГАДОЧНЫЙ ПОЖАР В МОРГЕ ХОРШЕМА». Следующие несколько строк сообщали, что около полуночи в морге Хоршема начался пожар. Усилия местной пожарной бригады оказались тщетными: здание полностью сгорело, а трое полисменов, что находились в нем, едва успели спастись.

Отшвырнув газету, я схватил телефон и позвонил Корридану. Мне сказали, что его нет в городе.

Я выпрыгнул из постели, отправился в ванную и принял холодный душ. Побрившись, я вернулся в спальню и начал одеваться. И все это время я не переставал думать.

У всех этих событий есть закулисный организатор. Кукловод, дергающий за веревочки. Кто бы он ни был, его нужно остановить.

Если Корридан окажется для этого недостаточно умен, попробую взять все в свои руки. До нынешнего момента я топтался в задних рядах, исполняя роль заинтересованного зрителя. Теперь же я собирался принять более активное участие в этом деле.

Я решил, что сперва нужно дать инспектору еще один шанс, и попросил телефонистку соединить меня с полицией Хоршема. После неизбежной паузы связь была установлена.

– Скажите, инспектор Корридан у вас? – спросил я.

– Не кладите трубку, сэр, – попросил голос на том конце линии. Чуть погодя к телефону подошел Корридан.

– Да? – отрывисто произнес он. – Что такое? – Казалось, со мной говорит лев, у которого украли ужин.

– Здравствуйте, – сказал я. – Это ваша совесть взывает к вам из гостиницы «Савой». Какие планы на сегодняшнее утро?

– Бога ради, Хармас, только не сейчас, – ответил Корридан. – Я занят.

– Вы всегда заняты, – заметил я. – В утренней газете я наткнулся на любопытнейшую новость. Как сейчас выглядит Энн Скотт? В меру прожарена или сильно подгорела?

– Я знаю, что у вас на уме, – свирепо сказал Корридан. – Но все было совершенно не так. Представьте себе, здешние идиоты решили, что морг – самое подходящее место для хранения бензина. Пожар начался из-за неисправной проводки. Мы не обнаружили улик, указывающих на поджог. Хотя совпадение и впрямь исключительное. Тело девушки почти полностью сгорело. К счастью, мы успели провести формальное опознание, и это происшествие не мешает следствию. Теперь вы знаете все подробности. Умоляю, положите трубку. Позвольте мне вернуться к работе.

– Только не убегайте, – торопливо сказал я. – Меня все это не устраивает, Корридан. Какое, к черту, совпадение? Я думаю...

– До свидания, Хармас, – перебил он. – Меня ждут.

Связь оборвалась.

Грохнув трубкой о телефон, я выбрал четыре самых страшных слова из своего словаря ругательств и произнес их вслух, после чего мне стало лучше. «Решено, – подумал я. – К черту Корридана. Я сам с головой окунусь в этот омут».

Спустившись вниз, я поймал администратора за петлицу.

– Братишка, – спросил я, – не подскажешь, где можно нанять надежного частного детектива?

В глазах администратора мелькнуло легкое замешательство, но он, вышколенный слуга, тут же взял себя в руки.

– Конечно, сэр, – сказал он, направляясь к своей стойке. – У меня есть адрес. Дж. Б. Мерриуэзер, Темз-хаус, Миллбанк. В свое время мистер Мерриуэзер был старшим инспектором Скотленд-Ярда.

– Шикарно, – произнес я, расставаясь с двумя монетами по полкроны, после чего попросил вызвать мне такси.

Офис Дж. Б. Мерриуэзера находился на последнем этаже огромного здания из стали и бетона. Окна кабинета выходили на скучнейший участок Темзы.

Мерриуэзер был толст и невысок; лицо его имело цвет тутовой ягоды и было покрыто тонкой синей паутиной кровеносных сосудов. Белки его водянистых глазок были желтоватыми. Длинный нос придавал ему сходство с ястребом. Я подумал, что в работе частного детектива это, скорее, плюс. Особенного впечатления он на меня не произвел, но, если судить по опыту общения с американскими сыщиками, чем меньше они пускают пыль в глаза, тем лучше конечный результат.

Когда я вошел в крошечный грязноватый кабинет, Мерриуэзер смерил меня взглядом, мягко пожал мне руку и указал на стул с прямой спинкой. Сам он уселся во вращающееся кресло, которое угрожающе скрипнуло под его весом, и зарылся бугристым подбородком в изрядно засаленный крахмальный воротничок. Сомкнув веки, Мерриуэзер изобразил подвыпившего Шерлока Холмса – разумеется, в своем понимании.

– Мне бы хотелось узнать ваше имя. – Из ящика стола появились карандаш и блокнот. – Под запись. И адрес, пожалуйста.

Я представился и сообщил, что живу в гостинице «Савой». Мерриуэзер кивнул, записал все в блокнот и заметил, что «Савой» – неплохое местечко.

Я согласился. Повисла пауза.

– Должно быть, речь о вашей супруге? – устало спросил Мерриуэзер очень низким, глубоким голосом. Таким глубоким, что казалось, этот голос берет начало в пятках.

– Я не женат. – Вынув из кармана пачку сигарет, я закурил.

Мерриуэзер с надеждой подался вперед, и я подтолкнул пачку в его сторону. Выудив сигарету, он чиркнул спичкой о столешницу.

– Сейчас их не так-то просто достать, – вздохнул он. – Мои кончились утром. Какая досада.

Я согласно покивал, провел пальцами по волосам и задумался, что он скажет, когда узнает, зачем я пришел. У меня было предчувствие, что Мерриуэзера хватит удар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.